

к 556

3

Москва, 31 января 1924 г.

№ 2 (82)

Цена 15 коп.
(черном.)

КРОКОДИЛ

Крестьянский наказ

Рис. Дени.

Смычка — первое всего!!

В сыпучих песках канцелярий...

„Несмотря на то, что основной вопрос продвижения сельскохозяйственных машин — снижение цен и долгосрочный кредит уже решен, мы все же стоим перед опасностью — потерей весеннего и даже летнего сезона“.

(„Правда“ № 14).

Рис. Шестопалова.

Улита едет...

ЧЕЛОВЕК ОТ ЗЕМЛИ.

У мистера Хьюста из торгового представительства в жилах было 100 процентов заграничной крови: мистер Хьюст любил сенсации и эксцентричности. С другой стороны, мистер Хьюст был коммерсантом, а людям этой профессии свойственен скептицизм.

И мистер Хьюст — иностранец на 100 процентов, скептик и любитель сенсаций, — в ложе на XI съезде советов сказал, оглядывая партер:

— Я бы хотел увидеть, сэр... как это по-русски... сермиага? Вот-вот сермиагу, лапти... Я бы хотел, с вашего позволения, настоящего русского пейзажа увидеть, сэр, так сказать, человека от земли...

И мистру Хьюсту отыскивали пейзажа, шивую Рязань. Рязань — лапотный мужиченка — сидел, по случаю перерыва, в буфете, на бархатах и с видом полного равнодушия ко всему окружающему (хороший деревенский тон) крепкими зубами жевал ломти желтого, просоленного сала.

Ему представили мистера Хьюста и еще одного мистера — оба мистера поклонились учтиво, сделав ножкой, и спросили, с кем имеют честь?..

— Ну и парочка — сказал мужиченка скептически, оглядев иностранные визитки: — баран да ярочка. На чужую землю пришли, а хозяев не знают.

В перерыве, меж едой, мужиченка достал табакерку, зарядил ноздрю и чихнул оглушительно. Иностранцам объясняли: делегат съезда и хозяин Русской земли. Мистер Хьюст — коммерсант и скептик — усумнился несколько: под заплатами — не мундир ли высокого чина?

— Ишь ты, доглядели — сказала Рязань, отрезая ломоть сала: — действительно, под зипуном, как царь на патрете: кругом в пуговках...

Переводчик фыркнул, иностранцы напыжились, но просили все же изложить пейзажу политико-экономическую тему предстоящей беседы.

— Ага — сказал мужиченка — чивой-то раньше вашей милости не видать было по этим делам? Выходит, как в риге не пей, танцовать-то на гумно иттить надо!

В виду торжественной официальности момента мужиченка извлек неожиданно из кармана три нагрудных знака — звезду, аэроплан и серебрянный сноп — приколот их в ряд на рыжей заплате зипуна и хитро подмигнул глазом:

— Ихнему брату это, как серпом по причинному месту...

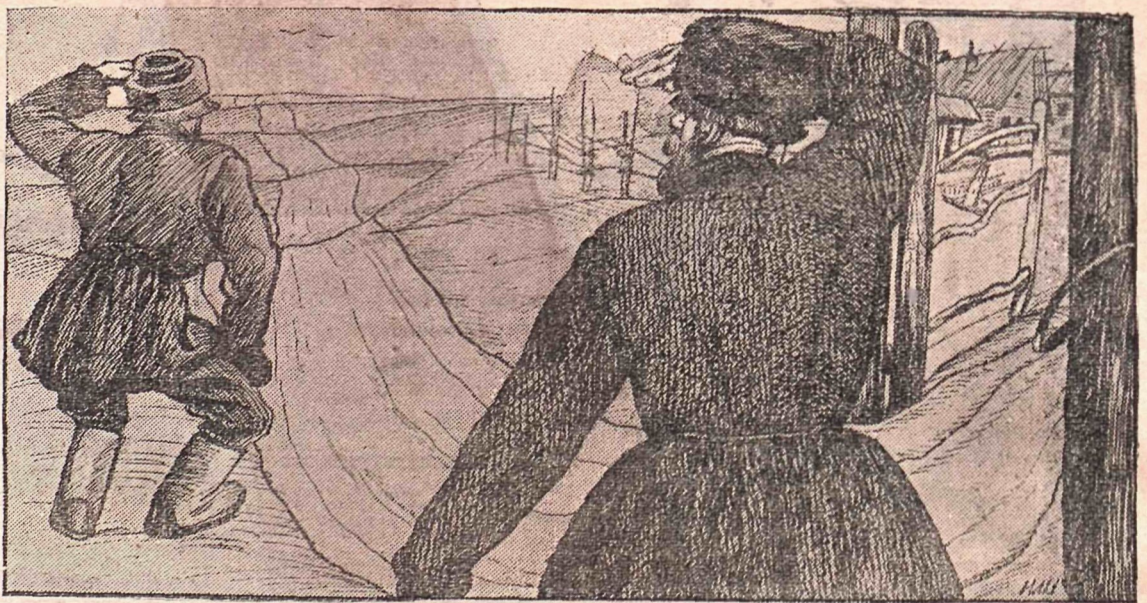
— Как живется вам в новой России? — спросил мистер Хьюст, доставая книжечку в слонах, собачках и монограммах.

— Живется ничиво, — Рязань смачно укусила сала: — кошке на молоко фатает, рубец в сметане жуем. Как ваша милость?

Мистер Хьюст спрашивал о боге, сильна ли вера — мужиченка рассказывал, что на выставке летал он от общества на машине — „сказать афициально, в небе был, в раю, на самом краю, где горьки калят, и никаких там богов, омман, стало быть, омманьяют простой народ“...

— Как смотрит он на дальнейшее развитие торговых отношений с представляемой мною страной? — важно спросил мистер Хьюст.

Рис. Шестопалова.

Когда то будет?..

Мужиченке перевели, он бросил, вдруг, сало, встал и спросил строго, населяя:

— Трактор нам прислали, кругом десятину обвонял, а между прочим, ни с места — не вашей ли милости машинка? Насилу пошел, и то по верхам скребет, что за канпания Зингер?

Мистер Хьюст заверил через переводчика, что изделия представляемой им фирмы совершенно гарантированы от подобных случайностей.

— Ну, ну — строго сказал мужиченка, — а то вкрутил бы я те лисий фост! Машинки поставляй — прибавил он, успокаиваясь, — за машинки отвалим хотя пудами, хотя деньгами, аккуратно. Мужик гол, да исправен. Только ириду не вези, кажную вещь, например, от фоста до зуба обсмотрим, деньги у нас, немалые, у нас народные денежки, копейки зубами не выдерешь!

Мистру Хьюсту переводили, мистер Хьюст морщился слегка, мистер Хьюст спросил:

— Что думает он о необходимости социальных реформ на Западе?

— Да маленько б надо с тела посогнать вашу милость — сухо сказал мужиченка, укладывая в торбу остатки сала.

Выслушав деликатно переданное рязанское мнение о социальных реформах на Западе, мистер Хьюст, отходя, говорил по французски, с кислой усмешкой:

— Он совсем не глуп, этот оборванец и... щетинист, колюч. Гольми руками не обнимешь его, этого „хозяина русской земли“...

Официальный момент был исчерпан, мужиченка снимал жетоны и говорил, значительно поднимая черный от в'евшейся годами земли, палец:

— За ихним братом доглядать нужно; сперва то да другое, а потом и нас по шеям, а земельку под себя...

А. Зорич.

Библиотека „КРОКОДИЛА“.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Демьян Бедный. — Что нам то тожд, а с нас за что же.

Демьян Бедный. — О Василии вликом литургисаюшем.

Демьян Бедный. — Собачья доля.

Цена выпуска 20 коп. зол.

Заказы направлять в главную контору „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“.

Москва, Охотный ряд, против Дома Союзов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕЛЬСОВОСТА.

(записано со слов Ивана Андреевича Дружинина).

Я тогда членом сельского совета был.

Приходит ко мне бывший председатель наш Андрей Петров.

— Иван Андреевич, — кричит, — где ты?

— На печке!

— Слезай, пойдем!

— В чем пойду? — сапог нет. Ноги отморозишь!

— Пойдем, сапоги будут!

Дело. Я вскочил и прихожу в свою сельскую канцелярию:

— Честь имею явиться, член сельского совета!

А там волостной председатель да продовольственный комиссар.

— Сегодня, говорят, член—сегодня и председатель. Вот тебе печать и чтобы на нас не сердать.

Тут я совсем заробел—быть бычку на веревочке. А они раскричались:

— Чтобы без сопротивления!

И Андрей Петров тоже:

— Выручи, братец!

Тут то я и начал с него взятки терзать:

— Давай, говорю, новые валенки!

Новых не дает—дает полшитые, а я не соглашусь. Продинспектор видит, что торгуемся:

— Возьми все жалованье старого председателя.

Я сразу смикитил: на председателево жалованье я и валенки куплю, и еще деньги останутся.

Такая у меня первая взятка. Расскажу дальше.

Как я взял печать, волостной председатель мне и говорит:

— Обязанность знаешь, как быть сельским председателем?

— Нет.

— Без моего разрешения сходку, чтобы не собирать.

— Слушаю-сь.

А уехал он, я и подумал:

— Ах туды-растуды, я теперь и сам начальство!

Собрал сход.

— Граждане, говорю, вы ничего не знаете?

— Нет.

— Я теперь ваш начальник!

— Смотри, черт его дери, в начальники вылез!

Я и разъясняю:

— Мне волостной председатель схода не велел собирать, да я человек дисциплинистый, к службе приступаю по всем правильностям закона, и прошу, граждане, спокойствия. У меня, говорю, такие делишки; раздавал я семянную ссуду—сначала себя обеспечил, а потом вам что осталось, так и впредь будет.

— Вот, говорят, хороший у нас председатели!

ЕДИННЫЙ ВЫХОД.

...Положить конец взиманию в деревне местными органами власти незаконных дополнительных сборов с тем, чтобы добровольные сборы допускались не иначе, как с разрешения в каждом отдельном случае центральных органов.

Из резолюции ЦК РКП об очередных задачах экономической политики.

Рис. К. Ротова.

Крестьянин (сборщиком).

— «Дополнительно» налога
Брали с нас немного много.
Утомили мужика!

А теперь—ур-ра! Картина!
Мы сдаем один-е иный,
Потому—декрет ЦК!

Угодил. Пошел дальше село обследовать.

А у нас на селе хлеб не вырос, одна, свекла. Граждане свеклу на терках трут, да сквозь трубочку пропускают—выходит всем хорошо: деньгами станция богата, хлебом соседний уезд—идут к нам и деньги и хлеб.

Обошел я все заводы, посмотрел—самогонка первый сорт, трубы дымят только рабочие жалуются, что по праздникам гнать заставляют.

— Больше, говорю, этого не будет.

Иду дальше в одной избе шум, я туда.

— А-а! Председатели! Да меня на ура подняли—

чуть потолок моей макушкой не проломил.

Вижу все хорошо. Я опять собрание. И ставлю следующий вопрос.

— Если к четырем прибавить один, что будет?

Не понимают. Я им дальше загнул:

— Вы за начальство, начальство за вас. У нас рука руку моет и обе чистые.

Опять не поняли. Я в третий раз разяснил.

— У вас, говорю, мозги сырые, не вбирают понятий, а у меня иссохши и догадливы: общественный сбор—четыре, да один будет пять. Один, значит, фунт мне, вашему председателю.

От волости—жалование, от общества—жалование, да валенные сапоги с председателя взял, да еще его жалование, мельница мелит даром, кузнец кует даром, земля в моих руках, семена в моих руках.

Старый председатель Андрей Петров теперь и спрашивает меня:

— Иван Андреевич, уступи мне эту должность назад.

— Давай, говорю, сапоги кожаные и с калошами.

— Возьми без калош?

— Что ж, говорю, я спекулянт что ль советскими должностями маклать?

А сам думаю:

— Потом две пары сапог будешь давать и то не уступлю?

Мих. Козырев.

КАК МУЖИК ГАЗЕТУ ЧИТАЕТ.

„Павильон—старшее лицо, которое повелевает; игнорировать—утверждать, раз'езжать, рассказывать; оккупация—совместно покупать товары; констатировать—саботажничать и т. д.“

Рис. К. Ретова.

(Из книги Я. Шафира „Газета и Деревня“).

К этому любопытному словарю „Крокодил“ присоединяет наглядную иллюстрацию подобных „толкований“.

СМЫЧКА С ДЕРЕВНЕЙ.

Сотрудник уездной газеты „Краснейшая Звезда“ Листков, он же бывший военный корреспондент провинциального „Роста“, хранил при себе на всякий пожарный случай памятку о бурных днях революции: свой военкорский мандат с правом „проезда на всех поездах, включая отдельные паровозы, и с правом ношения всех родов огнестрельного и дальнобойного оружия“.

Время было „бессрочно“ мирное и место описываемого ниже действия—самое отдаленное от железных дорог и даже от телеграфных столбов.

Путь свой Листков держал за 45 верст от уездного города, по личным делам, в заштатный городок и пользовался в пути всеми правами и привилегиями сотрудника уездной газеты, т.-е. беспрепятственным правом шагать туда, куда ноги понесут.

Шел-шел Листков и уперся в ночь.

Вскоре выперли из тьмы огоньки придорожной деревни. На околице усталый корреспондент запросился в избу. Пустили.

В копченой хате хозяин мирно встретил Листкова добродушным зевком:

— Располагайтесь!

Хозяин молча положил на стол краюху темного хлеба:

— Закусайте!

— Мне бы горяченького чего-нибудь? — облизнулся корреспондент.

— Где ж я возьму, — спокойно возразил хозяин. — Хозяйка ведь ушла!

— Может хоть картошку спечете?

Ужас отпечатался на лице хозяина: — Шо таке. Э... Ни-ни... Это ж бабье дило!

Делать нечего! — Заскрипел на зубах Листкова хозяйский хлеб.

С тем и спать залегли.

А утром вновь шагал по „шляху“ уездный сотрудник Листков и что-то все обдумывал. К полдню добрался он до

большого села. Остановил на широкой улице бабу с ведрами:

— Тетка, а тетка. Где здесь ваше управление?

— Не знаю! — отвернулась тетка.

— Как же так не знаешь?

— Бо оно мини нэ треба, то я нэ знаю!

Пошел дальше, спросил у „дядьки“:

— Управление ваше где?

„Дядько“ почесал потылицу, сдвинул шапку до носу, закричал:

— Кого? Нима ни якого управления!

— А что ж есть?

— Расправа!

— Все равно. Дашь „Расправу“!

Добрался по указанному дядькой Листков до расправы и — прямо к председателю:

— Я — военкор. Конфиденциально и секретно ревизирую все неполадки. Немедленно требую подводу!

С этими словами протянул он председателю свернутый в четверо свой „исторический“ мандат. Но председателю было уже не до мандата: покачнулся председатель, побледнел, отчаянно посмотрел на секретаря; секретарь сорвался с места, забегали, как крысы, десятские и сразу же возле „Расправы“ словно из-под земли загремела телега.

— Готово. Пожалуйста!

Корреспондент важно уселся в кузов, кони рванули и кнут без всякой надобности забегал по ним.

„Ревизор“ Листков, он же сотрудник уездной „Звезды“ был весьма доволен своей выдумкой и покровительственно говорил вознице:

— Знаешь, кого везешь?

— Известно, кумосара! — почтительно отозвался мужичек.

— Бери выше! Я военкор всех рабкоров. Военкор — это сокращение от слова военный контролер. Что мне председатель, что мне комиссар. В случае чего могу и председателя и комиссара в двадцать четыре часа... У меня, брат, полномочия... В любом поезде... На паровозе... В штабных и делегатских... С правом подачи... По прямому проводу...

— Известно власть! — вздохнул почтительно возница.

— Но я, брат, снисходительный и награждать, в случае чего, могу... Если до сумерек в город довезешь, получаешь 5 фунтов сахару-рафинаду и никаких двадцать, знай мою военкорскую щедрость!

Захлестал отчаянно кнут, занатужились возжи, заскрипела — пуще прежнего прыгала телега.

И вот уж подкатили к заштатному городку, заколесили по ухабам сквозной улицы.

— Стоп! — скомандовал „военкор“ и выпрыгнул из телеги, подаваясь в сторону.

— А насчет сахарю как? — напомнил возница.

— Ах, да! — спохватился корреспондент.

— Я сейчас!..

И торопливо написал на обрывке бумажки:

„В пространство. Другу Коле. Выдай подателю сего пять (5) фунтов рафинаду Военно. Срочно. Военкор“.

— Вот, передашь по означенному адресу!

Возница бережно спрятал записку, снял шанку и долго бормотал благодарности.

Л. Митницкий.

НАКЛАДНЫЕ РАСХОДЫ.

(Интервью).

В связи с намечающимися боевыми мероприятиями по снижению накладных расходов наш сотрудник имел продолжительную беседу с лицом, возглавляющим калькуляционную часть одного из московских трестов (лицо пожелало охранить инкогнито). Сообщив, что созданные трестом для предварительного обсуждения вопроса, четырнадцать комиссий, наткнулись на ряд сложнейших препятствий, лицо сказало:

— Начнем с автомобилей. Вопрос об их потребном количестве тесно связан с городским древонасаждением, с изменением расписания дачных поездов и с отпуском добавочных средств на благоустройство личных секретарш. Я поясню кратко: древонасаждение обеспечивает лужайку и прохладную тень внутри города, чем устранится необходимость воскресных служебных выездов на Воробьевы горы, каковых в истекшее лето произведено 946 с общим израсходованием 4.832 р. 55 коп. в червонном исчислении. Отход дачных поездов из пригородных местностей должно с 9 перенести на 12 — для следования к месту службы лиц от 15 разряда и выше, в условиях прежнего расписания вынужденных вызывать машины, коими и было в прошлом году пройдено в лесистые местности и обратно 3.622 версты.

Наконец, на сокращении гаражного штата благотворно отразилась бы организация дома-коммуны для личных секретарш, чтобы машинам не шляться, извините, по всей Москве, но из одного места брать по пяти персон.

— Что касается участвовавших случаев потребления шампанского „Люль“ и покупки серебряных ведер для икры с отнесением расходов в графы „непредвиденных“ и „организационных“, — сообщило лицо далее, — то этот вопрос находится в связи с реорганизацией святцев Госиздата, с одной стороны, с юбилеями и переездами учреждений — с другой. Хорошо, знаете, ко гда председатель Полихроний Елезвой там, или Феспесий, а ежели Владимир, который шесть раз на год тезоименитствует — какой ущерб государству? Нами разработан проект установления в году двух именинных дней: один для лиц от 15 разряда и выше, другой для технического персонала — вне зависимости от имен, пола и вероисповедания.

— Что вы думаете по поводу обстановки черного дерева и инкрустаций?

„ЦЫПЛЕНОЧЕН“.

(Вниманию ВСИХ).

Рис. Дени.

От столь почтенного отца,
Из столь приличного яйца

Вылезит этакое рыло...
Наверно „курица“ грешила!

— Мы подошли к этому вопросу с политической стороны. Черное дерево и раньше возбуждало наши сомнения контрреволюционным цветом. Сейчас решено в срочном порядке заменить его красным, а всякие там ампирные штучки — древне-русской резьбой, что будет символизировать, так сказать, мощь возрождающегося народа вообще и под'ем национальной промышленности — в частности.

— В вопросе о посредниках, поставлявших нам различные общественно-полезные предметы, как-то: рыбий мех, толченое молоко, сгущенный воз-

дух, землю океанского дна для парникового садоводства и т. д., — сообщило затем лицо — то мы проектируем замену означенных лиц постоянным штатом разъездных агентов.

— Произвели ли вы сокращение штатов?

— Из общего числа сотрудников в гм... гм... к сокращению были у нас намечены личная секретарша четвертого помзамзава Малашкина и малолетний курьер Федька, каковой и сокращен. Что же касается Малашкиной, то означенная девица в последнюю минуту внезапно почувствовала в себе зачатие и ей был предоставлен

спуск по декрету; вопрос находится сейчас в стадии соглашения с научной секцией Наркомздрава.

Заканчивая беседу, лицо подчеркнул два конкретных достижения: половики у дверей в тресте заменены усовершенствованными ноговытерателями „Геркулес“, что сократит расходы по ежемесячной натирке полов на 2 процента, и низший персонал снабжен неопрокидывающимися чернильницами „Встань-ка“, каковые чернильницы, по расчетам специалистов, сэкономят тресту до 6 бутылок чернил в год.

А. З.

БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ.

Последним взял слово тов. Голова. Тот самый, у которого в анкете на вопрос с какого года в партии значится официально с 20-го, а неофициально с 1908 года.

Заранее ехидно улыбаясь, он начал.

— Итак, товарищи, разрешите и мне высказаться по поводу наболевшего вопроса, а именно бюрократии. Как-раз только вчера мне нужно было пройти к замзаву тов. Лисенко, который здесь находится и может подтвердить мои слова, чтоб подписать заявление о выдаче мне аванса. Два раза ходил, а он все занят. Извольте видеть—разговаривать со спецом, а как нашему брату рабочему, так нельзя. Я хоть сам и не рабочий, но все-таки как муж моей сестры еще до империалистической бойни содержал парикмахерскую.. и вот я говорю, товарищи, нужно шире открыть двери и окна. Необходимо так сделать, чтобы наши преды и завывы не прятались в кабинетах, чтоб к ним был свободный доступ, а не ждать пока секретарю вздумается доложить. Да! Это раз, а во-вторых необходимо связаться с низами. Вот, скажем, я, здесь многие товарищи могут подтвердить, какая колоссальная связь у меня с массой, т.е. с низами. Чтонибудь, так сейчас: „Тов. Голова, объясни!“ „Тов. Голова, вызволи, тов. Голова, дай закурить!“ Я не хвастаюсь, потому мы, рабочие, не привыкли хвастаться, но это так. А правды не боюсь и буду говорить; что будет, то будет. Почему, скажем, 14-й разряд должен оплачиваться меньше, нежели 16-й?.. Но это денежный вопрос, а всем известно, что я не шкурник, мне на каких-нибудь два червонца плевать.. Итак, вопрос стоит ребром: долой бюрократию, смерть казещине!

* * *

Ровно через месяц тов. Голова сидел в кресле, курил и озабоченно морщил лоб, рассматривая объявления „Известий“. У дверей его кабинета, на которых было вывешено: „Без приглашения не входить, член правления Брахлотреста Голова“ сидели посетители и надоедали секретарю:

— Доложите пожалуйста, очень срочно.

— Дело стоит, необходимо видеть...

— Очень прошу вас товарищ, пропустите.

— Говорят вам, что нельзя. Занят!—огрызнулся секретарь.

— Сами знаете, пятый день хожу. Из провинции приехал.

— Ну, ладно, сейчас справлюсь!—смиловившись секретарь и прошел в кабинет, а вместе с ним проскочил и один из посетителей.

* * *

Тов. Голова, увидав незнакомца, в ярости набросился:

— Это что такое?! Вас кто просил?!

— Да я сам, простите, но крайность...

— Прошу покинуть кабинет и соблюдать очередь! Терпеть не могу партизанщины...

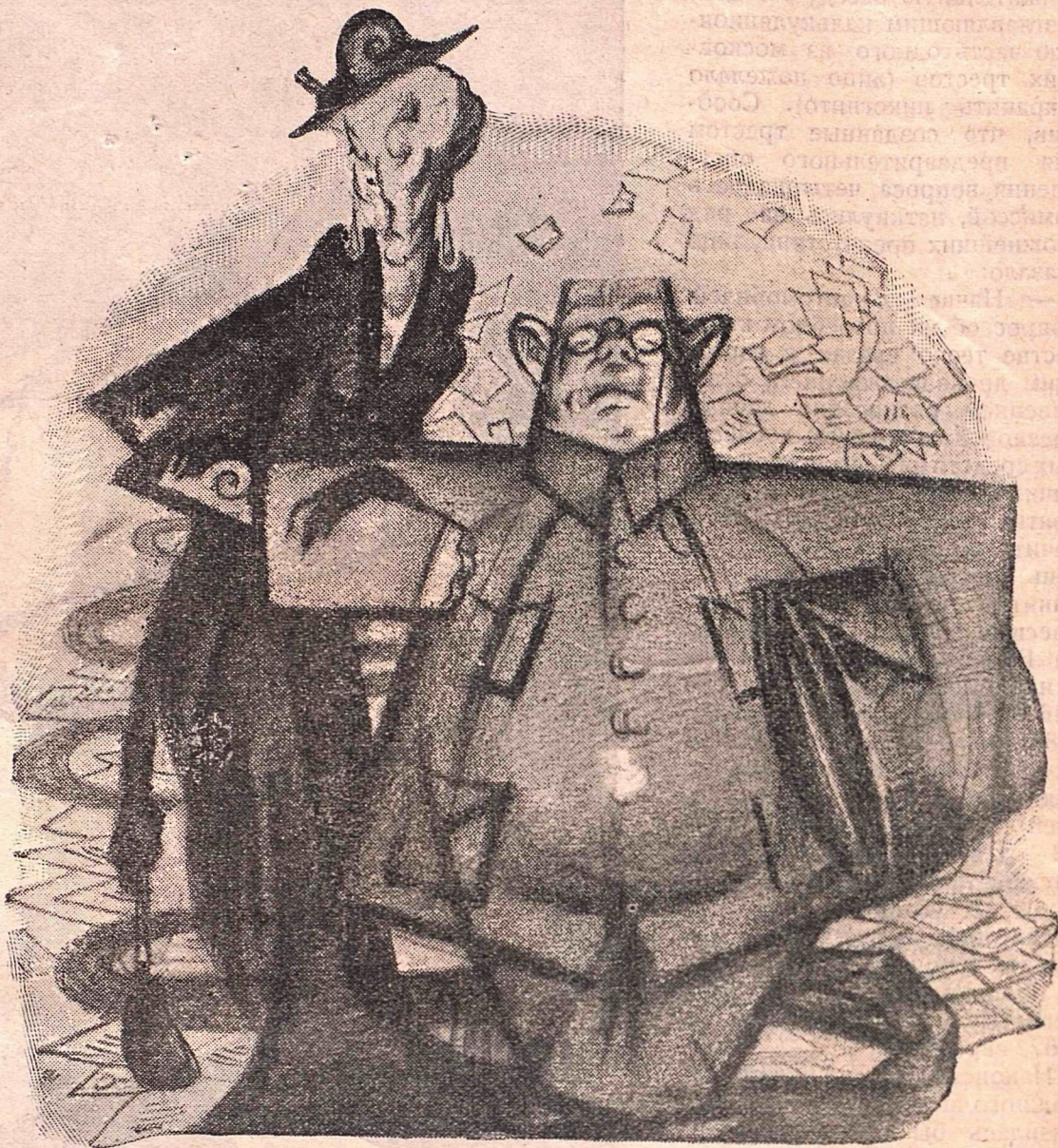
— Чорт знает, что такое. Бюрократизм, казен...—бормотал поспешно уходящий посетитель.

— Что-о?! Прошу не выражаться!—рассердился Голова.—А вы чего там смотрите, еще секретарь! Впредь не имейте привычки вваливаться в кабинет, пока вас не позову. А если нужно, то сначала звоните по телефону. Ступайте, я вам об этом сообщу в письменной форме.

Б. Левин.

Матушка волокита и его превосходительство Бюрократизм.

Рис. Михайлова.

В совучреждении каждом вы,
Встав в очередь смиренно,
На эту парочку, увы,
Наткнетесь непременно.

Они все так же там и тут
„Работают“ открыто.
БЮРОКРАТИЗМ его зовут,
Ее же—ВОЛОКИТА!

„В ТОМСК“...

Михрюткина провожали всем селом.

— Смотри, не забывай деревню в ниверситетах-то своих. Доктором, али чем там будешь, к нам вернись,—наказывали земляки.

— Не забуду, вернусь. Я к вам и студентом привезать буду.

* * *

В уездном городе Михрюткин при посадке в вагоны речь держал.

... зажечь свой светильник от их яркого светоча и пронести его в темную деревню, вот наша наипервая задача.

Качали. Аплодировали. Даже прослезился кто-то.

* * *

— Что ж ты, Митя, к нам летом не приезжал, поминишь обещал. Книжечек привез бы. А вот тебе тут сальца прислали. А Москва у вас город ба-альшой.

— Ах, поймите же, дорогой товарищ Пахомов,—убеждал Михрюткин земляка,—ведь я же как кончу курс весь навсегда целиком должен буду зарыться в эту прок... в нашу родную деревню. Дайте же мне хоть студенческие мои голы провести как следует.

* * *

— Куда мы сегодня, в к но Арс?

— Не... В Шануар пойдём, там „Тайна кровавой руки“.

— Айда...

* * *

— Неужели ты хочешь поехать к этим ужасным мужикам, ведь там, говорят, даже театра нет.

— Дорогая Катя, долг прежде всего. Свой докторский диплом я должен понести в ту среду, из которой... которая...

— Негодяй.. Изверг, злодей убийца... Не поеду... Не поеду... Не по-е-е-ду-у...

* * *

— Вы сами понимаете, болезнь жены... И потом взять культурную женщину туда, в деревню, где ни театра, ни общества, ни магазинов. Нет, как хотите, это выше сил моих. И потом мне уже удалось найти зацепочку здесь в Москве. Сил ко трудов мне это стоило... и теперь пустить все прахом. Но я совсем не собираюсь рвать о деревней, я буду писать им туда, помогать советами, высылать книги, может-быть, даже наезжать изредка.

* * *

— Барин, вас там какие-то спрашивают.

— Кто?

— Мужики, деревенские видать, в лаптях. Нееловские, говорят.

— Я уехал... Катя, куда я уехал?

— В Нижний, что ли, а то в Томск...

— В Томск уехал. Так и скажи...

Глан.

ШИШКА.

Рис. Розе.

Привез мужик в город березовых дров. А у мужика на щеке шишка росла. Стоит мужик, от нечего делать шишку меж пальцев мнет: попутателей раз-два, да и обчелся.

Вдруг барин в енотах при очках.

— Продаешь мужичек, дрова. Что это у тебя на щеке.

— А это шишка называется. На щеке растет. Знахарь должно быть напустил.

— Уступи дрова, — сказал барин — Я тебе и шишку вырежу, недорого возьму. Я доктор, резак.

Обрадовался мужик, потому баба у него молодая, востроглазая, с такой шишкой лучше и не лезь.

Привез дрова, барин и говорит ему:

— Подожди, дядя, я дворника разыщу ворота отпереть. А шишку я тебе за три рубля обделаю. С других двадцать пять беру, с тебя три.

— Очень приятно, ваша честь, — сказал мужик. — Я ее давно отчекрывать собирался. А дрова у меня, как сахар. Я тебе еще привезу. Много их.

Барин в калитку, а через дорогу другой бежит, тоже в роде господин, только в шинели и красный крест на картузе:

— Здравствуй, милый. Что, продаешь дрова.

— Продаю, — угрюмо сказал мужик, надвигая на брови шапку, — совместно с шишкой продаю. Барин шишку мне будет резать, эвота какая уродилась шишка-то, за три целковых подрядился счистить ее. Барин-то.

— Так я тоже доктор, тоже резак, людей режу, которые хворают, — проговорил господин. — И я дешевле возьму. Я полтора рубля возьму.

— Приятно слышать, — умерен-

но улыбнулся мужичек и ударил кнутом по голенищу. — У меня дров много... Я тебе еще сколь хочешь привезу. А и дрова — звенят.

— Великолепно. Поворачивай сюда, я напротив живу. Тпру. Стой. Обожди минутку.

Господин в дверь, а енотный барин через дорогу скачет:

— Эй, дядя, дядя. Куда же ты...

— А вот сюда. Кому хочу, тому и продаю.

— Но, ведь, мы же сторговались.

— Мало ль чего... Ты больно здорово за шишку загнул с меня. А велика ль и шишка-то. С свиначью титьку. А вот господин только полтора рубля берет. Вишь, какое уваженье...

— Полтора-а-а, — протянул барин и срыву так. — А я задаром. Желаете.

— Приятно слышать, — осклабился мужик. — Задаром ежели, можно. Мы всегда уваженье делаем. Я человек простой. — Он дернул вожжи, прицмокнул: — фють. Ну, ты, халыва... Под полозьями снег скрипит.

Глянь, скачет через дорогу шинельный господин:

— Стой, милый человек. Ведь ты мне продаю.

— Ишь ты, — осклабил мужик зубы. — Вот так сейчас тебе и продаю. Дождись... Больно ты дорого за шишку заломил. А вот барин дарма хочет.

— Дарма, — переспросил господин. — Ежели он дарма, я тебе за

шишку сам приплачу. Понимаешь, сам. Раз на то пошло... Раз амбицию мою задела.

— Благодарю покорно, — и мужик прищурился на господина: „дурака ламают баре, или с ума сошли“. — Благодарим, благодарим, — сказал мужик и всю душу свою сразу перестроил на хитрый лад, словно через изгородь в другое поле перелез. — Очень приятно нам. Потому — баба у меня очень антиресная собой, прямо ягода баба.

А сколько ж вы, ваша милость, положите за шишку-то, — мужик осклабился, снял шапку и глядел на господина, как на дурня.

— Три целковых, три целковых золотом. Понимаешь.

— Маловато, ваша честь, — вздохнул мужик. — Эй-богу, маловато. Вы извольте посмотреть шишка-то какая... Всем шишкам шишка... Первый сорт шишка... Да такой шишки...

— Четыре, — перебила его шинель, увидев, что енотный барин быстро шагает к ним из-под ворот.

— Прибавьте хоть полтинничек. Вечно буду бога молить, — пустил мужик слюну и заморгал белесыми глазами.

— В чем дело... Что, — подскокил енот. — И как вам не стыдно, доктор, перебивать...

— Нет, вам как не стыдно...

— Да я ж первый купил. Я.

— Вы всех пациентов у меня отбили... Позор...

— Нет, вы у меня отбили пациентов.

— Барин, — сказал мужик еноту. — Да ты не горячись... Дело было так...

— Сколько, — крикнул енот и задрал шапку за затылок.

— Четыре дает. А мне обидно...

— Пять, — выпалил енот и вскинул очки на лоб.

— Много вашей милостью довольны. По божецки, значит, правильно. Н-но ты, фють. Примерзла-а... — тронул он лошадежку.

Но в этот миг господин в шинели сгреб лошадь под уздцы и повернул обратно к своей квартире.

— Куда ты. Стой. Сколько, — забежал вперед мужик.

— Семь. Мой верх.

— Верно семь. Без омману. Вполне согласны мы. Вези, дружок, вези... Н-но, ты, фють, — и мужичек, мигнув в сторону уныло стоявшего енота, пробурчал:

— Ишь, выжига... Скупердяй паршивый... Этакую шишку упустить...

А въехав во двор, сказал шинели:

— Вот что, господин. Я дрова действительно, свалю, а шишку резать повременю маленько. А ты под шишку задаточек мне выдай пожалуйста. Пятерочку хоть.

Через час мужик сидел в тракторе с другими мужиками, беззубым Андрухой с Горок. Утощались, были выпивши.

— А мне что, — мотал захмелевшей головой мужик. — Свои пропиваю, за шишку... А ейные деньки — во. Дровяные... Степанидины.

— Правильно, правильно, земляк, правильно, — шамкал беззубый.

— Эй, гармонист, — крикнул мужик. — Ну-ка чижика. Гуляй наша... А шишка пускай растет... Чем дале, тем дороже станет... День ото дня...

— Беспременно дороже, землячек, беспременно, — поддакивал беззубый.

— Шишка промежду прочим антиресная, — бахвалился мужик, — а дураков в городе на наш век хватит.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

Вяч. Шишков.

ПРО ЕПУ.

(Деревенская гримаса).

— Ваше слово, Елепет Кукшович.

— Дело, значит, дорогие товарищи красные купцы, с того самого началось, что торгую я вчерась честь честью и все в благополучии и только это перед обедом заходит покупатель и ситцу просит. Ну, дело известное, цена вам известная — шестьдесят копеек. И вдруг, вообразите себе, облаял меня покупатель. Ты, грит, кровопивец.

— Снес.

— Снес-то снес, но только мигом причину искать начал. Почему такое случилось ругательство. Я мигом Гаврюшке говорю — бегом в Епу. Вернулся и докладывает: опять в Епе одной квашеной капустой торгуют.

— Да не может быть. Да как же до того допустили. Чего же партейные смотрят.

— Чего уж там, — торгуют одной капустой и вся недолга.

— Разору-то от этого нету, что и говорить. Епа сама по себе, мы сами по себе, столько вот мы в Голощавове торгуем, ни разу нам в конкуренты не становились, но вы то во

внимание примите, что коли ежели в Епе товар есть, — так мы на селе первые люди. Здрате, Елепет Кукшович. Как поживаете, Елепет Кукшович. Оно и действительно, торгую я, скажем, ситцем, продаю его за шесть гривен и все чешусь, — и поднять надо и ругани много, а как Епа ситец достала, как пустила его по восьми гривен, так ко мне все и повалили и всем я мил, потому, как я хоть гривенник накинуд, так все равно дешевле Епы цену держу.

— Да что ты говоришь. Позавчера еще в Епе товар был.

— Был. Удав Мордеплюев весь забрал. Он-то молодой еще, ну и дурит. Ему за половину товар забрать в Епе и то в барышах был бы, а его жадность взяла. Торговать-то торгует, а сколько ругательств сносит и не сочтешь.

— Удав.

— Ну.

— Правду про тебя говорят?

— Конечно, правда. Пришел я в Епу, — вижу товар. Нам, грит, лишь бы продавать, а кому — все одно. Я и забрал. И прибыл-то одну копейку беру, а ругательств не оберусь.

— Надо, братцы, дело спасать. Никак нельзя Епу без товара оставлять.

— Ты смотри, — были у меня кожи. То-есть такие кожи, что хотел я их в мешок да в воду. Епа одна и спасла. Привезла кожи, хуже моих и на пятак дороже. Так мои мигом и расхватали.

— Не знаю, как жалобу писать, дескать правление не энергичное. Перевыборы пуцай сделают, чтобы самых что ни на есть огневых парней поставили, чтобы Епа от товару ломилась.

— Ты не пересоли. А то еще себе же на голову.

— Да ни в жисть. Ты не смотри, что в Гаманце делается. Покелева Епа, на манер нас, капустой торговала, Ермил Цапов в лаптях ходил, а как набили Епу доверху товаром, так и Ермил поперек себя пошел.

— Пропал бы Ермил без Епы.

— И мы пропадем.

— По миру пойдем.

— Хватил.

— Конечно пойдем. Озлобление супротив себя сделаем и пойдем.

— Пока что, пожалте выпить и закутить.

— Господа товарищи красные купцы, дозвольте тост. За процветание Епы.

— Урррррррра. Евграф Дольский.

НА НОЖ

Рис. Б. Ефимова.

Действующие лица:

Рабочий

Рыков.

Сокольников.

Каменев.

Красин

(наркомвнешторг)

Крестьянин.

КНИЦАХ.

Действующие лица:

- Торгаши на шиши.
- Их испутчики — валютчики.
- Дельцы — золотые тельцы.
- Франты и бриллианты.
- Франтихи и их поргнхи.
- Совдеточки, совмамы,
- Совжулики, совдамы,
- И прочая шантрапа и толпа.

ДИАЛЕКТИКА.

Рисунки Розе.

ВЦУ намеревается провести перепись верующих. Каждый прихожанин обязан вносить ежемесячно на содержание духовенства не менее 25 коп. зол. На уклоняющихся духовенство намерено возлагать ряд духовных респрессий. Вместе с тем духовенству предоставляется право славить помещения церкви под лекций, доклады и т. п.

Ночь. На столе под иконой саровскою кот-греховодник сопит. Угомнилось семейство поповское, только сам батя не спит.

Мысли блуждают, как праздные странники, Гонят от батюшки сны; Давят на брюхо неловко подштанники, Чешется ниже спины. Слабо лампада горит пред иконницей— Масло-то нынче—держись! Трудно, ох, трудно бороться с бессонницей— Вовсе хотя не ложись.

Попова дочка Кругла, что бочка, Пыхтит вздыхает, Во сне икает. Храпит протопопица. Свисают жиры. И как не растопятся Они от жары. О, тучная мати, Аршин пять в обхвате. А попята-то, попенки Вкруг с млевшей попады, Что боченки Укруг бады.

У всех есть ножки— Нужна обуза. Нужна одежда На случай стужи. Андрюшке—игрушки, Митрошке—калошки, Ермишке—штанишки, Аленке—гребенки, Анетке—конфетки, А Тане—духи. А мать-протопопица С мантою торопится:

Давай ей мехи! И паки, вертись— не вертись, Купи ей хороший сервиз:

Протопопице стыдно с простою посудю.

А какими путями удвоить доход? Что-то грохнуло. Поп обругался «паскудою»:

Испугал его спрыгнувший кот. Не вернуть к приходу заблудшую овцу.

Не поможет, не поправит дело ВЦУ.

Прихожане все распиханы— Кто в живой, а кто у Тихона; Кто за новый, кто за старый тянет стиль.

Не церковное строительство, а гиль.

Хлоп— В лоб Протопоп.

Он с кровати сразу сок, Попадью толкает в бок. То-то в сердце радость вящшая.

Мысль пришла ему блестящая:

Чтобы действовать практически, Надо жить диалектически.

— Ты вставай, вставай прокислая кутья, У меня в башке доходная статья,

Помолись Андрею Критскому:

По методу большевистскому Мы начнем отныне действовать,

Перестанем паки бедствовать.

Будут детушки с калошками, А ты с чашками хорошими.

Попадья, зевнув, проснулася,

Закряхтела—потянулася,

Почесала за рубашкою, Назвала попа «дурашкою»; Поп назвал ее «милушею». Попадья сказала:—слушаю.

Поп словами, словно сечкою, сечет:

— Перво-на-перво у них в ходу учет;

Посему и я советую Озаботиться анкетюю. Там вопросы будут дадены: В пост вкушаете ль говядину.

Где и как по долгу молитесь. По греху ль не комсомолитесь. Пребывали ль вы в неверии... То-то будет бухгалтерия.

Перестанем быть убогими. Большевик живет налогами,

Ну, и мы, мамаша, делать будем так:

С прихожанина гоните четвертак, Хоть деньгами, хоть натурою. Дальше двинем диктатурою: Коль не внес оброка во-время, свинья,—

Полагается тебе эпитимья. А потом, чтоб закрепить за нами хлеб,

Предлагаю провести церковный ПЭП.

Падок к диспутам народишко— Отчего не взять доходишко. Сдам я церковь под концессию...

А у кассы-то—процессии. Что там диспуты, дискуссии, — Это, матушка безкусие.

Закачу концерты светские, Настоящие советские.

Надо только, протопопша, наперед

За собою закрепить попу доход. Попадья сидит мечтает

О мехах. Поп на пальчиках считает

Впояхках: — Вот дьячок,

Что сморчок: Голова с кузачок,

Борода на бочок; Верещит, как сверчок,

Ему—пятачок.

А вот дьяконище. Эх, и—басище.

Наскладно хоть скроен, Да здоров сляпан.

Уж будьте спокойны: Куда ваш Шалапин,

Не хуже быка. Ему полтора пятака

За горло стальное. Ну, а мне—остальное.

Дон...дон...дон...дон... Раззвонился поп Андрон;

Раззвонился поп со зла Во все колокола.

От краев язык отскакивает, Малый колокол позвякивает,

А большой, что майский жук, Издаст басистый звук

В сановитый эдак тон: Донн...донн...

А малютки колокольцы Приударивают,

Словно черти-комсомольцы Выкомаривают

Что-то в роде «гоп-са-са» В разливные голоса

Выговаривают: — Дыги-дон-дыги-дон

Промахнулся поп Андрон: На анкету

Нет ответу. И будго в отместку

Одну лишь повестку Андрону несут,

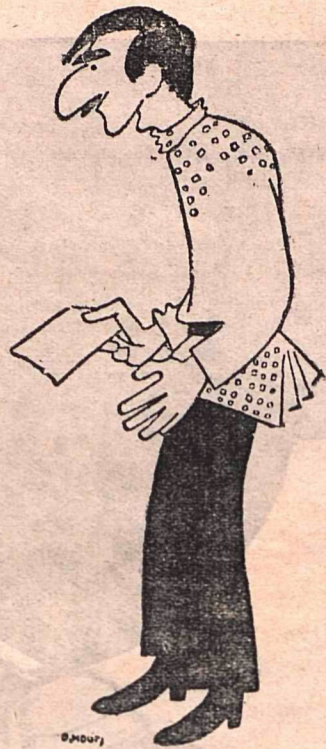
Диги-дон в нарсуд.

Р. Волженнин.

К ВЫХОДУ ЖУРНАЛА „БОЛЬШЕВИК“.

Рис. Д. М.

Тов. Вардин (один из редакторов журнала „Большевик“, обращаюсь к „Крокодилу“): — Дюша мой, дэ-лай рыкламу!..

БЕЛОГВАРДЕЦКАЯ ПЕЛЕНКА.

(На мотив „Я хочу вам рассказать“).

В Праге на съезде эмигрантских педагогов выболтали мотивы бойкота „большевистского“ правописания. Проф. Спекторский объявил новую орфографию „распутинской“ и выразил опасение, что б-женцев, по возвращении в Россию, будут вешать за все, что может напоминать о власти большевиков

(Одесск. Изв.)

Кто не пишет буквы ять, буквы ять, буквы ять, Ах, тому не одобровать, Не одобровать, да!

Твердый знак, и с точкой, Фита, и с точкой, Фита, и с точкой

Сохранной будет оболочкой Для нас от грозного суда!

Также—ижица... Пустяк, да, пустяк, да, пустяк, За нее ж держися всяк, Держися всяк, да!

В грозный час расплаты, О, да, расплаты, О, да, расплаты,

Те буквы будут адвокаты Для нас бесплатные всегда!

Кто же будет продолжать, продолжать, продолжать По-распутински писать, Да, писать, да,

Тот—как там ни плачь ты, Как там ни плачь ты, Как там ни плачь ты!—

А на веру трамвайной мачты Болтаться будем, господа!

Аргус.

ВИЛЫ В БОК.

Зуду Зудит...

Прелвик Зуда-кулачок хорошо пристроился к делу. Бедняков „товарищами“ называет. Иногда читает „Крокодила“. Страсть, как смеется над несчастными, попавшими в „Крокодилы“ лапы.

Однажды секретарь Мухин сунул ему пальцем в местной газете: — Вот что написано про тебя?

Зуда читает: „В Балущкой волости кулак-кровосос Зуда пристроился в председатели. Хорошо живется ему: и самогону вдоволь, и шкуру свою защитить может. Выгнать бы его следовало поганой метлой. А. Бедняк.

Зуда загремел на всю волость: — Контр-революция? Против советов? Подлецы, мерзавцы! Это Гришка нищенок написал. Такую сволочь в газеты принимают? а? Ну, я не такой. Сторож! Запереть его. К ногтю!

Театральный костюм.

В Тамбове на Государств. заводе № 43 „Красный боевик“ главным режиссером заводского театра был В. С. Родионов, который в то время исполнял обязанности певчего в местной заводской церкви. Когда в церкви пришли в негодность ризы, то В. С. Родионов выдал нелегально новый комплект (бархатных) риз из театрального имущества. Комсомольцы узнали про это и всю буафорию отобрали назад.

Брачные дела на берегах Тихого океана.

В Никольско-У. сурийский уездный комитет РКП от корейца Тянь-Унфири поступило прошение, которое помещаем в извлечении:

„1-го декабря сего года к нам в деревню приезжал некто Мун-Ендюн, именуемый себя членом РКП, с женой, проживающей в данное время в селе Раздольном, которые подговорили жену мою уйти от меня. Жена моя Ким-Си 18 лет, благодаря своей молодости, неопытности, а также моей неосведомленности, послушав Мун-Ендюн и его жены, на следующий день, т.-е. 2 декабря, тайно ушла от меня и пришла в Раздольное к указанному Мун-Ендюну.

Я и мои родные обращались в Коркомсод, но Председатель Коркомсода сказал, что так как Ким-Си жить с прежним мужем не хочет, потому он примет меры к законному их разводу, и если Мун-Ендюн замешан в уходе Ким-Си от мужа, то это ничего не значит“, и что поступок его можно предусматривать, как похвальный, добавил даже:

„Если сумеете, то сманите хоть мою жену, ничего не буду иметь“.

Считаю не лишним упомянуть, что я с женой своей жил в течении 4 лет почти в полном согласии, если и были иногда раздоры,

то поводом к тому служила моя бедность, так как жена моя имеет поползновение на роскошь.

На основании выш изложенного, настоящим прошу расследовать о незаконном действии со стороны

члена РКП Мун-Ендюн и выдавая себя должностным лицом, а также и водворении моей жены ко мне.

Если до разбора дела нельзя водворить жену мою Ким-Си ко мне, то желательно было бы сдать ее ее родителям.“

Кому Крокодил может здесь запустить вилы в бок? Бедная Ким-Си, которую можно „сдать“, как вещь.

В. Ар-мов.

Женская баня и ГПУ.

Некто Полтавский, бывш. агент ТОГПУ Уссурийской жел. дор. вместо мужской бани залез в женскую, но прекрасный пол предпочел остаться на улице и ожидать, когда их благородие изволят освободить баню. Напротив же дверь в дверь была мужская баня.

На альник пограничного полка № 1 пишет по этому поводу ст. агенту:

„Желательно было бы внушить Полтавскому не выходить из рамок приличия и этим самым не дискредитировать сотрудников органов ГПУ перед массой рабочих“.

Хулиганский клуб.

Смешно пишут у нас протоколы, смешно, да не глупо.

Вот выписка из протокола № 20 заседания группового завкома № 5 Хамовнического района совместно с делегатами с мест.

„Доклад культкомиссии о Рождестве...“

Тов. Ересеева указал, в виду важности работы клуба, становятся лекции, как-то: венерические, об аборте и самые важные метрические меры, как необходимое значение для рабочих, но в особенности для служащих, которые вводятся с 1 января 1924 г.“

Конечно, лекции венерические и метрические — штука полезная, но какие меры вводятся с нового года — венерические или метрические — не поймешь.

Ничего, по-русски писать мы выучимся. А в постановлении написано совсем хорошо:

„Просим правление клуба взглянуть на порядки клуба, так как в клубе совершенно нет порядка, но одно хулиганство. Молодежь держит себя, как на бульваре, что рабочему придти с женой или детьми нет возможности“.

Вот что мы вам посоветуем: возьмите орешину метра в три и выгоните всю хулиганствующую молодежь.

Гуси, Гуси...

Президиум Бежецкого районного кооператива умеет „вести дело коммерчески“. Вспомнил красивый кооператив, что в царские времена к Рождеству выдавались награды на гуся. Но, чтобы и порядок соблюсти, и пролетарскую этику сохранить, правление награды денежной не дает. Оно постановило:

— Выдать служащим по одному фунту чаю и по одному гусю...

Натура—натура: что имеем, тем и награждаем. Но награждать всех служащих дорого.

Тогда правление избрало счастливых: секретаря правления Точилина, секретаря торгового отдела Терехова, главного бухгалтера Воронкова, главного кассира Демидова и машинистку Бако.

Награда гусиная за верную и долгую службу: главный кассир служит два месяца, а главный бухгалтер 25 дней..

Коммерческая постановка дела. Остальные товарищи—сотрудники и рабочие оставлены без гусей. Очевидно, они—не товарищи тем, кого гусем наделили.

И. Н. П.

Д о я т...

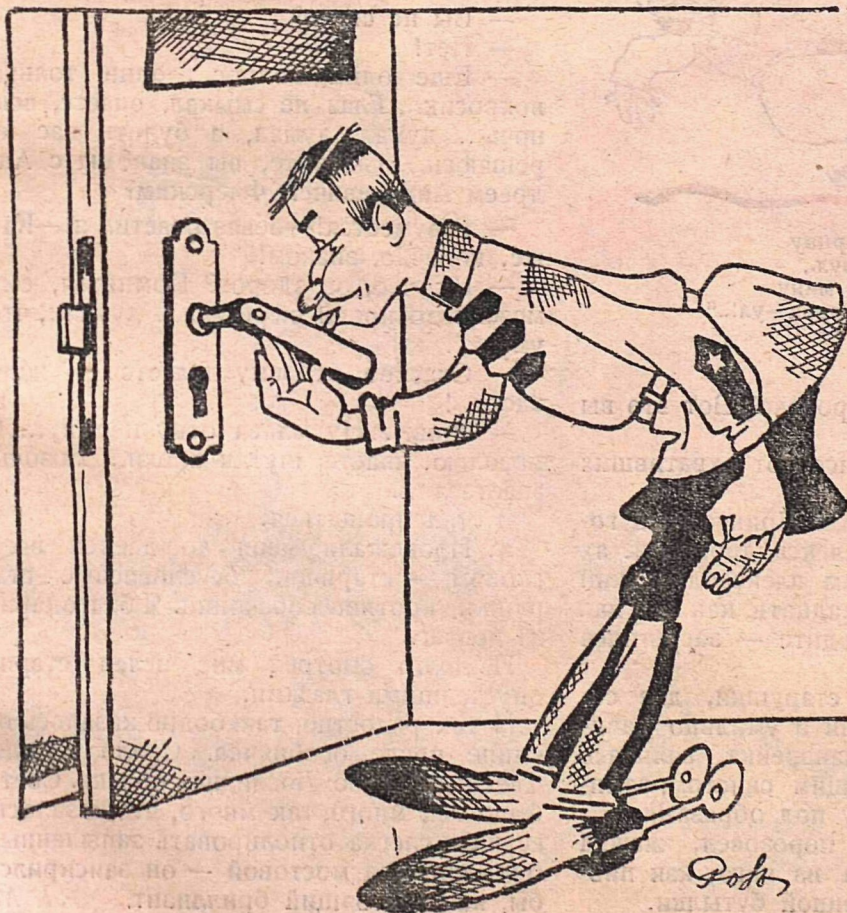
В Новосельской волости деревни Малысак (близ Тюмени) неизвестная подкинула ребенка. Население, желая узнать настоящую мать, пригласило на сходку всех девиц и занялось их доением, которое производилось несколькими замужними женщинами в отдельной комнате, куда изредка заходили и мужчины. Матери с молоком не нашли. Согнали второй раз девиц и опять доили, но и этот раз безрезультатно. Доение видел и председатель Новосельского ВИК Минин, который не только не принял мер к ликвидации этого, а даже навещал отдельную комнату, в которой производилось доение.

Не—зов.

ВЕРХ „ГАЛАНТЕРЕЙНОЙ“ ВЕЖЛИВОСТИ.

Рис. Розе.

„Хороший гон“ начинает, к сожалению, приобретать права гражданства также и в среде нашего комсостава. Из газет.

Начинается с дамских ручек, а кончается дверными...

ЖИТИЕ КНИГИ.

Рис. К. Ротова.

1. Сидел, творил писатель
И радостно мечтал:
— Я мозг и нервы тратил,
И сделал капитал...

2. Бухгалтер в Полиграфе...
Расплылся, как елей:
— Оттиснем и ...потрафим...
За 1000 рублей...

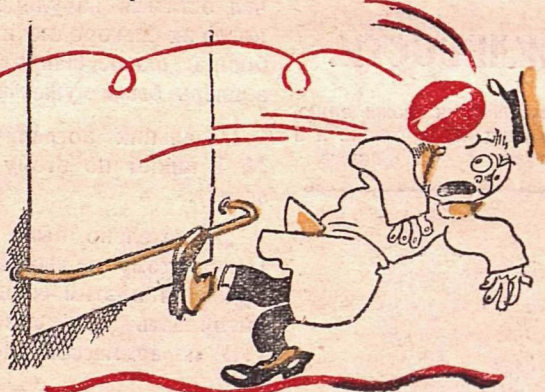
3. К издателю пришел он.
И молвил книжный туз:
— Любви я к книге полон,—
Издам и наживусь!

4. Купец на книжном рынке
Был книге страшно рад:
Прикинем мы к новинке
Процентов 50!

5. Издателю в Бумтресте
Прикинули без слов:
— С доставкой „нашей“ вместе
400 рублей!

6. Читатель на витрину
Любовно заглянул,
Прочел, устроил мину
И крикнул: — „Каррра—ул!“

ОСОБНЯЧОК.

Надвигалась ночь. Ночлега не было.
Я остановился наугад у парадных дверей маленького особнячка, похожего на белую холеную болонку.
— Позвоню и посмотрю, что из этого выйдет? — решил я.
Дверь открыл сгорбленный старичок.
— Вам кого?
— Хозяина квартиры можно видеть?
— Вам Григория Петровича Онищенко?
— Да... да... Григория Петровича...
— Я — Онищенко! — А вы кто будете? — любопытствовал он.
— Я... приезжий... из Александровска!

— Вы из Александровска? Вот это вы из Александровска?
Старичок даже присел от охвативших его чувств.
— Ах ты ж, господи! Принес таки господь человека из Александровска... ах ты ж... ведь я ж сам александровский житель... всего лет двадцать, как оттуда.. ах ты ж... Да вы входите — засуетился он, — раздевайтесь!
Появились куцые старушки, две собачки лениво лайнули и умильно завилыли хвостиками; канарейка залилась протяжным дребезжащим свистом; замигали лампадки в углу под образами.
Старичок заметно порозовел, жажда поговорить выпирала из него, как пивная пена из откупоренной бутылки.

— Логвина Платонова знали? — поспешно спрашивал он, потирая руки. — Дом у него был еще на Воронцовской... жена от родов померла... как раз я в тот год уезжать из Александровска собирался...
— Платонова? — сосредоточенно, будто вспоминая, произнес. — Как же, как же... приятнейший человек... Не правда ли...
— О... о... о... он самый!

Я бил наверняка: кто бы он ни был этот Платонов, но гарантией за его приятность была для меня его дружба с моим радушным хозяином.

— Ну, а Крюкова, — продолжал старичок — знаете?

Крюкова я так же знал, как Платонова, но на вопрос ответил уверенно:

— Крюков уехал в Москву!

— Ах ты ж... как все меняется... Сколько воды утекло... ах...

Подали горячий ужин: мятую картошку со сливочным маслом, яичницу, пирожки с капустой, с печенкой, с яблоками и еще с чем-то очень вкусным.

— Извините, пожалуйста, — сказал старичок, — ужин у нас теперь совсем скромный. Вот если бы вы к нам пожаловали годков десяток тому назад, вот тогда бы мы вас приняли... по старому, по хорошему, а теперь... сами, чай, знаете, какая жизнь... Разве ж можно без царя?!

— Грех великий! — вздохнули старушки.

— Да-а... царь — он от бога, помазанник... и... как же это так можно, бог дал, а люди взяли и выбросили. Где такое правило?

Я промолчал, а собеседник вошел в раж и горько сетовал:

— Не подумавши выбросили... кого? царя выбросили, а теперь, сказывают, смута у них через это, каются теперь... да поздно, голубчики...

— Действительно, поздно — зевнул я, — уже за полночь.

Уложили меня в теплой комнате на перине, укрыли тоже периной, и я сладко заснул. Утром слышу: скрипнула половица; я поднял голову — в дверях с таинственным видом стоял мой старенький хозяин.

— Вы не спите?

— Нет!

— Еще один вопрос... один только вопросик... Глаз не смыкал, знаете, всю ночь... думал, думал, а будить вас не решаюсь... Скажите, вы знакомы с Андреем Андреевичем Флерским?

— Разумеется! — зевая ответил я. — Как же, конечно, знаком!

— Ну, что, он здоров? Помнится, ему мозоль до крови вырезали... думали, что умрет...

— Спасибо, что ему делается — жив, здоров!

— Жив?! Ну слава отцу и сыну... С мозолью, знаете, шутки плохи... мозоль, знаете ли...

Я стал прощаться.

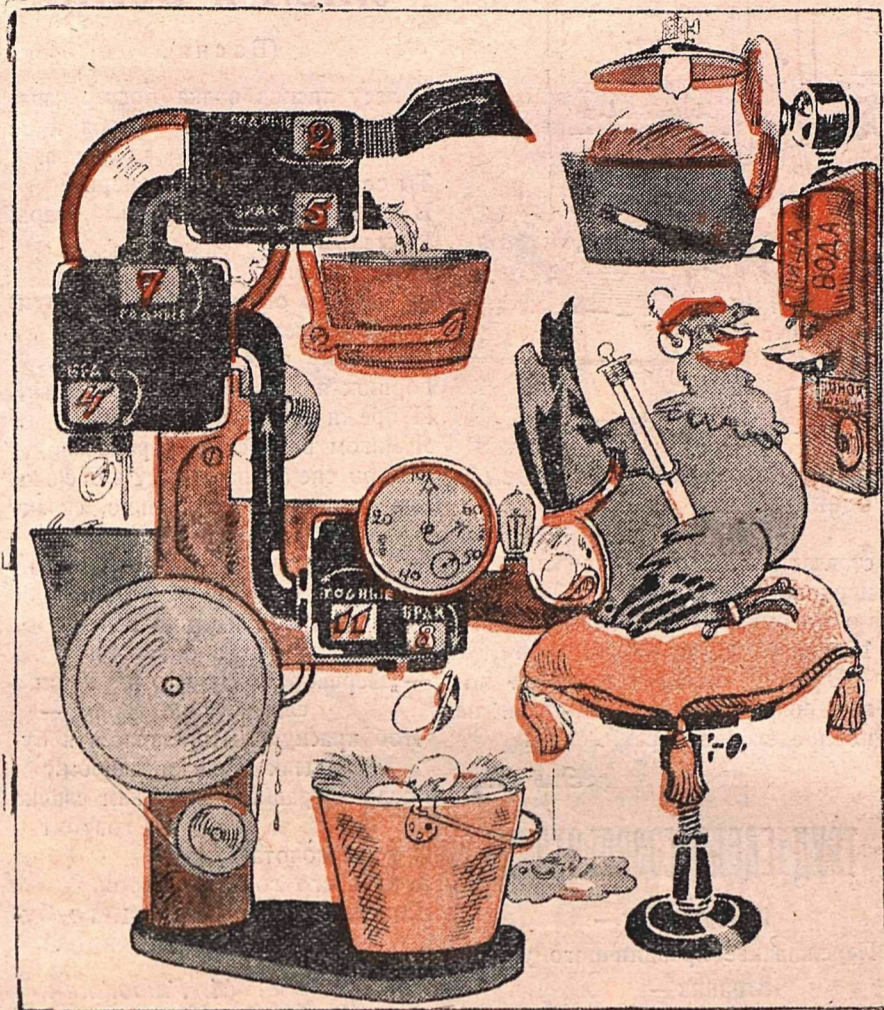
... Провожали меня до дверей все скопом — старичок, бессловесные старушки, кроткие собачонки. Я благодарил за ночлег.

И долго смотрел мне вслед старик опустевшими глазами.

И так радостно, так бодро казалось на улице после особнячка. Сияло солнце. Светилось небо. Лоснились облака. Свету было так много, так много, что казалось, если бы слегка отполировать запыленный булыжник на мостовой — он заискрился бы, как настоящий бриллиант. Л. М.

Рис. К. Ротова.

СЧЕТЧИК КУРИНОЙ НОСКОСТИ.

В Америке недавно взят патент на оригинальное изобретение—счетчик для несущихся кур.

Каждый раз, как курица снесет яйцо, оно падает на пластинку, которая поворачивает стрелку счетчика на одно деление. Счетчик прикреплен к спине курицы ремешками, обворачиваемыми вокруг крыльев.

Аппарат действует и счетчик работает только в случае действительного снесения яйца.

Чтобы курица не сорвала с себя аппарата, продираясь под кустами, он защищен щитком.

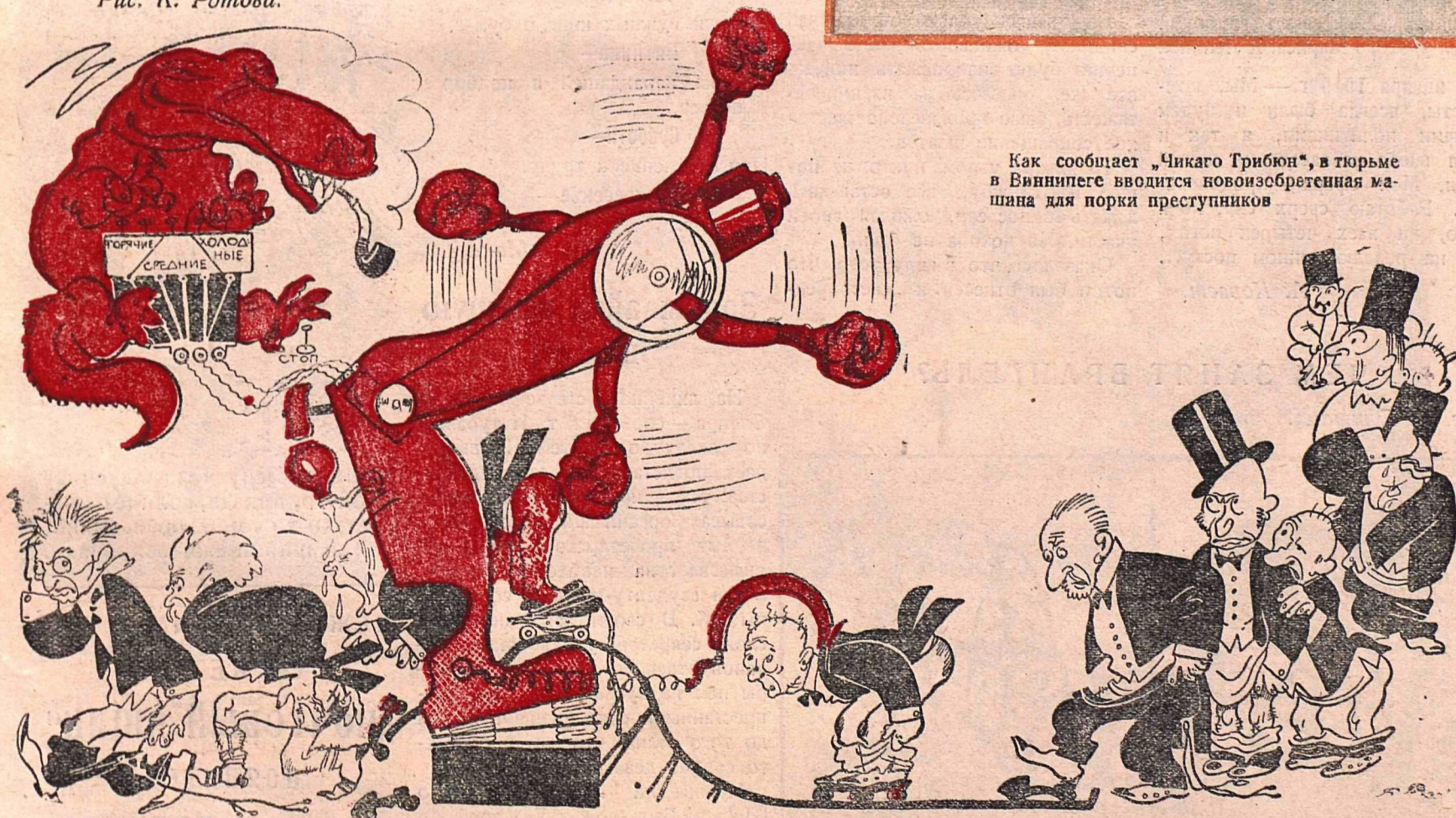
Мы приводим рисунок на эту же тему, принадлежащий нашему художнику. Рисунок изображает курицу в окружении американских яйцесчетчиков. Курица видимо замышляет все-таки скрыть свою носкость от всевидящего яйцесчетчика, который наш художник предлагает назвать „Курам на смех“.

Этот номер „КРОКОДИЛА“ выходит с опозданием вследствие порчи типографской машины, на которой печатался наш журнал.

В дальнейшем регулярный выход „КРОКОДИЛА“ обеспечен.

Редакция.

Рис. К. Ротова.

Как сообщает „Чикаго Трибюн“, в тюрьме в Вьиннипеге вводится новоизобретенная машина для порки преступников

Крокодильская машинка для капитальной порки капиталистических министров.
(Горячо рекомендуем для использования пролетариям всех стран).

СТРАНИЧКА ЧИТАТЕЛЯ — ХУДОЖНИКА — ПИСАТЕЛЯ.

ДНЕВНИК

гражданина Пупсикова.

Май 1917 г.—Боже ж мой! Что только творится на улицах—песни, пробуждающаяся весна, красные флаги, ликование, солнышко, митинги, „да здравствует“, „до победного конца“ и т. д.

1 июня 1917 г.—Свершилось: я—социал-революционер (чл. бил. № 666). Я по горло занят ответственными партийными делами: из одного района в другой нжно перевозить бомбы, начиненные страшно разрушительным нитроглицерином и хлорал-гидратом.

7 июля 1917 г.—Я всегда говорил в комитете, что эти советы рабочих и солдат—нарост на теле революции, а большевики—каналы, мошеники и неумытые хамы. Попросятся разве в ад'ютанты к нашему обожаемому Керенскому?!

12 октября 1917 г. Политическая атмосфера как-то необыкновенно сильно сгустилась...

13 ноября 1917 г.—Весь последний месяц на улице носа не показывал,—нервы мои абсолютно не выносят резких звуков, а тут... стрельба, крики... ужас, ужас... Вчера я окончательно решил войти в партию левых эсеров. Я в сущности никогда не был против власти советов...

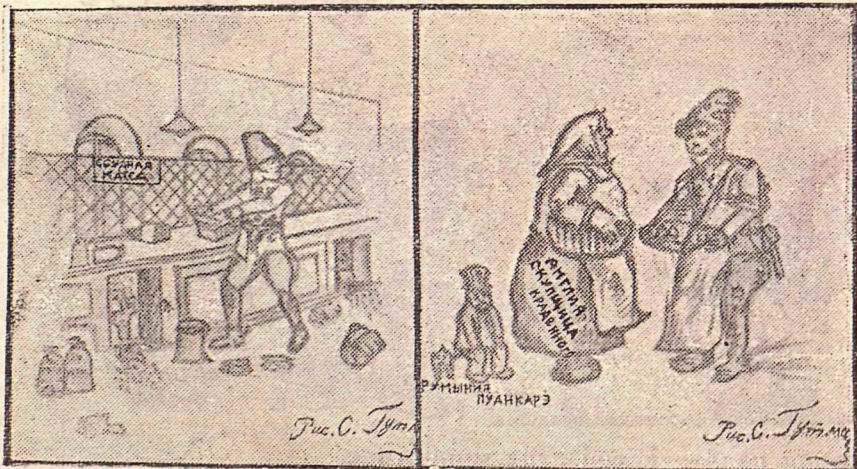
29 июля 1918 г.—Я так переутомился. Удивительно глубокий ум был у этого Маркса. А Ленин?..

17 января 1919 г.—Мы, коммунисты, всегда были и будем трезвыми политиками, я так и заявил вчера на заседании нашей ячейки. Моя сфера—продовольствие. Работаю сверх сил, но я твердо, на всех четырех ногах, стою на революционном посту...

А. Корвет.

ЧЕМ ЗАНЯТ ВРАНГЕЛЬ?

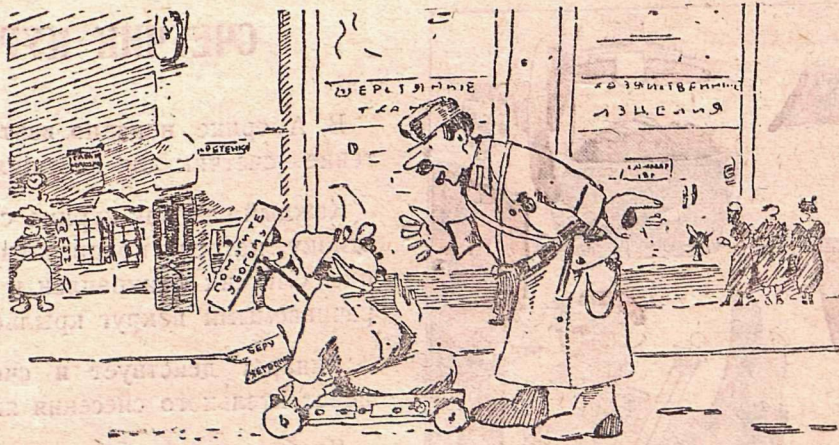
Рис. С. Гутмана.

Вся Европа удивляется
Какой профессией Врангель
занимается

Патриот вором оказался
Русским с серебром рас-
торговался!

Рис. и текст Малиновского.

МИЛИЦЕЙСКИЙ (нищему) Дер-р-жи прраво! Не своей
стороной едешь...

ПОТОП.

15 января будет потоп...
Слухи по России.

Об этом неожиданном событии узнали так поздно, что даже самые богатые нпманы не успели себе построить хоть какой-нибудь маленький ковчежишко. Пришлось утешаться тем, что многие из них оказались людьми „пустыми“ и надеялись продержаться на воде.

Неожиданность и быстрота на-двигания катастрофы многих за-стала врасплох. Каждому хотелось довершить в своей жизни самое главное. Совбарышни и молодые люди спешно дочитывали 28-ю часть Тарзана—„Тарзан и его праправнуки“.

Не унывал только пробочный синдикат,—ожидалось, что он успешно будет изображать ковчег; все же, опасаясь за излишнюю тяжесть, было произведено жестокое сокращение штатов.

15 января утром никто не пошел на службу,—все оставались лежать в постели, ожидая своей участи. Но потопа не было.

Оказалось, что в виду того, что потоп был отнесен к „светопред-

ставлению“, то обновленческая церковь подняла спор с Тихоном: по новому, или по старому стилю 15 января должен быть потоп.

В виду неопределенности положения потоп был отложен на неопределенное время.

Эль И.

ТРУДНЕДЕЛЯ СОТРУБОТНИКА.

Понедельник—

Переживание праздничного угара.

Вторник—

Собрание мыслей во-едино.

Среда—

Приведение в порядок канцелярии.

Четверг—

Поиски нужных книг и бумаг.

Пятница—

Очинка карандашей и подбор перьев.

Суббота—

Приготовление к труду.

Воскресенье—

Отдых.

Макаев.

Закрывайте высшую школу!

На линейном с'езде водников Днепра,—сообщает т. Нитубал,— по докладу о работе ЦК выступает представитель от студенчества; он, в кратких чертах обрисовывая организационные формы и быт пролетарского студента, указывает на необходимость помощи студенту-воднику со стороны ЦК. В своем заключительном слове секретарь ЦК вод'а т. Очканов отвечает: „Красные инженеры нам не нужны, ибо мы беспрепятственными сокращениями дошли до того этапа, что нам и старых-то спецов девать некуда“.

Нужны ли нам после этого ВТУЗ ы? Быть-может, Гла-профобр обогоразумится, и, имея благословение т. Очканова, с завтрашнего дня закроет все ВУЗЫ в СССР?

ЛИСА И ВОЛК.

(Басня).

В лесу лисица волка повстречала.
— Здорово, кум, а я тебя и не признала.

Ты сер был раньше, а теперь
В своей одежде ярко-красный, зверь!
И старый кум

Куме ответил:

— „Как в октябре раздался шум,
Я сразу сметил,
Что толку в сером цвете нет...
Горшок я красной краски сделал,
И прежний серый цвет
Я мигом в красный переделал.
Теперь спешу на сходку я овечью,
Где выступлю с большою, склад-
ной речью...“

— А если, кум,—опять переворот,
Болтаться будешь, ей-же ей,
Ты с красной шкурою своей
На перекладине ворот.

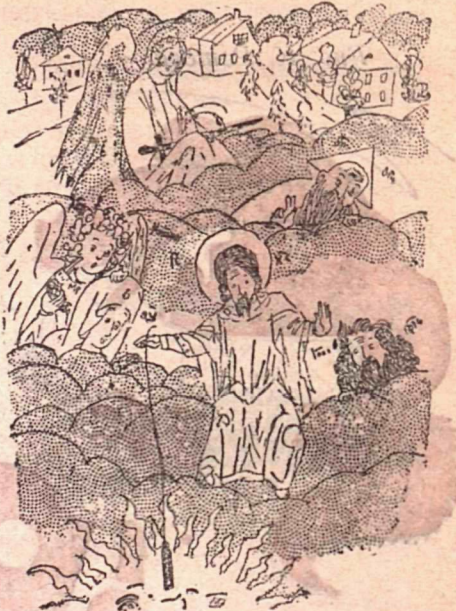
— „Переворот? Ну что ж? Умом я
славлюся не даром,—
Чтоб краску смыть, запаса я бу-
тылкой с скиндаром.“

Когда вчерашний волк вам сладко
говорит

И горы золота сулит,
А речь его горит пожаром,
Взгляните, нет ли у него бу-
тылки с скиндаром!

М. Гакюшкин.

Рис. П. Х.

ХРИСТОС (спуская градусник):
Чтой-то, правда, солнце остыва-
ет, то-то у меня праведники,
как грешники, ежиться начали.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

ОТМЕТИМ

„ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК“

ПОЯВИТСЯ

в № ТРЕТЬЕМ.

Редактор — Н. И. Смирнов.
Издательство „Рабочей Газеты“.

КОШМАР.

В Америке, в штате Кентукки, против рабочих были пущены ядовитые газы, причем многие были удушены.

Из газет

Рис. С. Грюнберга.

Какой кошмар отчаянья и злобы!
Какая жуть жестокости и тьмы!..
Америка! Ты в каземат тюрьмы
Спускаешься с вершины небоскреба,

Чтоб задушить железною рукой,
Согласно приготовленного списка,
Всех верящих в последний страшный бой
На улицах Чикаго и Франциско!..

Америка! Железный Капитал
Стеснил решеткой черных казематов
Всю будущность Соединенных Штатов...
Америка! Проснись! Твой час настал.

Пришла пора разбить все тюрьмы разом
И, зубы стиснув, броситься вперед,
Покамест не отравлен газом
Весь твой народ!..

Я. Г.—ий.

11 апреля 1924
Книжная Палата

1123

328

КРОКОДИЛ

Ширмы системы „Макдональд“.

Рис. Дени.

Когда рабочие спрашивают Макдональда, вождя рабочей партии, в какую сторону пойдет его политика, он уверяет их в своей любви к рабочим; когда на ту же тему его спрашивает буржуазия, Макдональд предпочитает отмалчиваться.

Из газет.

МАКДОНАЛЬД (бьт себя в грудь):—Друзья рабочие! уж я ль не за вас?!

РАБОЧИЕ: Ты то за нас. А вот кто за тобой?!